

ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ¹

Валерия Мухина,
заведующая
кафедрой
психологии развития
Московского
государственного
педагогического
института,
академик РАО,
профессор,
доктор
психологических
наук

Существует два представления о жизненном пути творческих людей и особенностях взаимоотношений творческой личности с социумом.

С одной стороны, это взгляды гуманистических психологов (в частности, концепция А. Маслоу), идеализирующих эти взаимоотношения. Каждый человек потенциально видится творческой личностью, и его развитие (самоактуализация) связывается с социальным ростом, эмоциональной и психологической зрелостью, возрастанием социальной адаптивности, спокойствия и оптимизма (часто за счёт одиночества, узкого круга друзей).

В любой сфере деятельности талант — явление достаточно редкое, индивидуальное, неповторимое. Но далеко не во всякой деятельности её результаты так зависят от талантливости и одарённости занятых ею людей, как в науке. В этом отношении наука сродни искусству.

По мнению Э. Эриксона, который основывается на работах многих исследователей, творческим личностям (художникам, учёным, писателям) присущ ряд общих социально-психологических характеристик. Среди них в первую очередь отмечается высокий уровень интеллекта. Творческие личности предпочитают *высокую степень сложности интеллектуальных задач с разнообразной и нетривиальной информацией. Внимание направлено не только на предметы и явления внешнего мира, но и в себя. Характерна острая интуиция, но вместе с тем и стремление к ясности в своём и чужом мышлении.*

В то же время *творческие личности более автономны, независимы, интровертны, менее конформны и социально адаптируемы, чем другие*, более ранимы и чувствительны к запретам и ограничениям; широта их интересов, побуждений и эмоций часто не вписывается в общепринятые рамки и нормы и подавляется последними.

По мнению Э. Эриксона, эти характеристики влияют на центральный личностный феномен — *идентичность* (identity), или «самотождественность» — сплав осознанного чувства собственной индивидуальной неповторимости и уникальности, бессознательного стремления к сохранению этой неповторимости, укрепления некоторой внутренней солидарности с групповыми идеалами, специфическими характеристиками социальных групп, к которым эта личность относится.

Специфика творческой личности проявляется в нескольких аспектах феномена идентичности.

Во-первых, прежде всего, это отсутствие чувства солидарности с групповыми идеалами, *отсутствие отождествления себя с социальной группой*. Э. Эриксон даже считает, что они живут как бы вне той группы, к которой относятся. Поведение и взгляды независимы от давления большинства; творческие личности руководствуются собственной «шкалой ценностей», которая часто не совпадает с общепринятой. Способности направлены прежде всего на продуцирование новых идей, а не на усвоение принятых.

Во-вторых, это отсутствие ощущения целостности и завершённости собственной личности. При этом психическая структура творческих людей отличается высокой степенью осознанности противоречий внутри самой этой структуры — именно эта особенность отличает таких людей от «нормальных», «средних». Вероятно, поэтому *спонтанность и импульсивность поведения сочетаются с дисциплиной и самоконтролем, фантазия с реальностью*. Психическая структура динамична и неустойчива. Отчасти из-за этого *представления о прошлом, настоящем и будущем*

1

См. также статью автора в НО. 2006. № 7.

не связаны в некоторое непрерывное единство. Будущее их «непредсказуемо», поскольку они сами его создают.

Не представляя себя членами социальной группы и не признавая за собой однозначных личностных качеств, границы «Я» у творческих людей оказываются сильно размытыми, их духовный мир настолько открыт, что трудно провести резкие границы этого мира. Творческая личность способна перевоплотиться в других людей, раствориться в идее, продуцируемой её сознанием. Писатели способны жить жизнью своих персонажей, учёные видят в природе продолжение самих себя. Их чувство «самости» стирается.

Для обозначения *личностной идентичности* А. Курле (A. Curle) употребляет термин «**идентичность осознания**», для обозначения социальной идентичности употребляется термин «**идентичность принадлежности**». Идентичность принадлежности служит стабильности человека, поддерживает его status quo. Из низкой идентичности обоих видов А. Курле выделяет психологический тип, далёкий от творческого. Это *отчуждённые одиночки*, потенциальные самоубийцы, живущие несчастливой, непродуктивной жизнью на окраине общества. Их всех объединяет изоляция, неспособность к глубоким и продолжительным взаимодействиям с другими.

С другой стороны, высокая идентичность (осознание себя как личности) с низкой социальной идентичностью, по мнению А. Курле, могут привести к большому **разнообразию типов**, далеко не все из которых отличаются творческими способностями. Среди этих типов описаны следующие.

Они вовсе не обязательно в открытом конфликте с существующим устройством общества: просто пытаются концептуально и реально построить другую модель жизни. Они часто живут коммунами, зарабатывая на жизнь, и в некотором смысле строя её, но идут на минимум компромисса с миром рынка. Хиппи — типичный пример. Они не менее других осознают социальное зло, но считают, что ничего не могут поделать, поэтому ищут перемен и развиваются сами в себе. Они стремятся отойти не только от мира, но и от себя, считают, что потеря или разрушение личности ведёт к соединению с абсолютным. Ищут восточные техники, в которых осознание ведёт к концу осознания, к забвению и концу боли. Среди хиппи много сенситивных и тех, кого психиатры называют шизоидами.

Представители многих групп могут называться хиппи, но так называют людей, которые не объединяются в движения — спиритуалистические, идеологические или социальные, которые хотят жить своей жизнью и делать своё дело.

Типы личности редко встречаются в чистом виде: большинство людей выступают во всех ролях. Учёный среди этих типов может оказаться почти во всех категориях, кроме, вероятно, «искателя нирваны», который не нацелен на результат.

Очень трудно определить рамки для того, что происходит «не как у людей». Процесс формирования чувства идентичности

у творческих людей протекает намного сложнее, чем у большинства, период самоопределения намного длительнее, обострённое чувство «конфронтации» с общепринятыми ценностями и нормами поведения. Этот процесс можно рассматривать как «самотворение», как сложный путь формирования человеком себя через разрешение конфликтов с самим собой и с обществом.

К универсальным чертам творческой личности, как учёных, так и писателей и архитекторов, Ф. Бэррен относит целый ряд как когнитивных факторов, так и личностных. Среди когнитивных способностей это: *наблюдательность, способность видеть вещи привычно, но с необычной стороны, стремление выразить ту истину, которую другие обычно не замечают; независимость в суждениях, готовность прилагать усилия ради нового знания, высокие умственные способности и хорошая память, умение удерживать в голове множество идей и сопоставлять их*. Из личностных характеристик также отмечается *повышенная чувствительность к своим подсознательным мотивам, фантазиям, импульсам, богатство внутреннего мира, дающее богатство внутренних переживаний*. Творческий человек им не сопротивляется, допускает в своё сознание самые «запретные» побуждения. Он *одновременно и примитивнее, и тончённее* среднего человека, более *здорово мыслящий и сумасброден, у него больший диапазон реакций, как разрушительных, так и созидательных*. Ф. Бэррен не сходит в мнении относительно размытости границ «Я» у творческой личности с Э. Эриксеном. Он полагает, что восприятие между объектом и субъектом, между собой и миром настолько отчётливо, что позволяет порой игнорировать эту границу. Можно позволить себе регрессию (возврат к детским формам мышления и поведения), понимая, что в любой момент можно вернуться в состояние духовной зрелости. Если

можно так выразиться, это «вторичный» инфантилизм. Благодаря этой способности достигается объективная внутренняя свобода личности.

С. Рознер и Л. Абт, отказавшись от психологического тестирования, всё внимание сконцентрировали на феноменологии, используя клинико-психологические интервью. Было показано, что *творческий ум — активный ум, постоянно задающий вопросы, генерирующий множество идей*. Он открыт впечатлениям, в том числе и своим предчувствиям. Большое значение придаётся непредвзятости, свободе от догм, вере в свои силы, смелости².

Из феноменологических работ, не претендующих на большую достоверность, можно отметить мнение В. Гордона, создателя так называемой *синектики* — тренинга развития способности к творческому мышлению. Однако тренинг годится не для всех, и перед ним необходим весьма жёсткий отбор. Названным автором характеристикам должны соответствовать все члены группы (тренинг коллективный). Среди прочих — **готовность к помощи, координация движений** (хотя неуклюжесть не становится противопоказанием, чрезмерно плохая координация подразумевает недостаток самоуверенности). **Готовность к риску** (неоднократно говорилось о некотором инфантилизме креативных людей, но это необязательно признак эмоциональной незрелости. Эмоционально незрелый человек не удивляется, не изумляется, как ребёнок, тогда как внутренняя любознательность — психологическая основа творческого акта). **Эмоциональная зрелость** — способность интегрировать этого рода инфантилизм в конструктивный акт. Должна быть выражена **способность к обобщениям**, но также и способность к проверке своих гипотез. **Способность к действию** означает, что человек должен идентифицироваться с проектом, чтобы его успех стал для него «жизненно важным». Одного энтузиазма как личностной характеристики здесь недостаточно.

Творческий индивид также не должен быть ориентирован на статус.

Одна из первых научных попыток понять природу гениальности принадлежит, вероятно, Ч. Ломброзо. Хотя он в целом пытался определить гения, исходя из физиологии, но также указывал на определённые психологические и социальные его особенности. Так, он указывал на его *одиночество, холодность, отчуждённость, равнодушие к обязанностям семьянина и члена общества*³. Однако он не давал определения гения. Его исследование не претендует на научность в современном понимании, это скорее наблюдение, требующее проверки.

Современное истолкование понятия «гений» принципиально индивидуалистично. Э. Кречмер полагает, что понятие гения — типичный продукт современного индивидуализма: в центре всеобщего внимания находится личность гения, её своеобразие и её ценность. Однако при этом большие сложности представляет «отбор» гениев из героев мировой истории, поскольку она всегда творится всеми её участниками, целыми народами, а также многообразием действий и противодействий влиятельных фигур. Критерием выдающейся личности служит уже не осязаемое собственноручное авторское произведение, а лишь внешний успех, и часто бывает трудно определить, насколько та или иная знаменитость обязана достигнутым успехом своим собственным исключительным духовным свершениям и насколько — силе кратковременных (или длительных) стихийных массовых движений или нерасторопности своих противников.

Однако «персональное» ядро всякого исследования гениальности всегда составляют художники и учёные-изобретатели, которые, собственно, и служат исходным материалом для формирования понятия гения. Поэтому к сомнительным гениальным деяниям относится открытие Колумба: мужественный и весьма энергичный человек, не лишённый фантазии, благодаря великой удаче натывается на нечто великое, что раньше или позже

2

Лук А.Н. Личность учёного: научно-аналитический обзор. М., 1981. С. 12.

3

Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство // в кн.: Тайна характера: Психологические типы. Харьков, 1996. С. 11.

и без него безусловно было бы найдено. Сомнительны типичные модные идолы — удачливые фавориты тех или иных групп; они очень быстро исчезают из истории науки и искусства или упоминаются лишь в качестве курьёзных проявлений стиля эпохи.

В традиционном толковании присвоение титула гения выносится, в первую очередь, исходя из оценки личных качеств, а не из социальной конъюнктуры.

Э. Кречмер предлагает понятие «гениальное» заменить выражением «*особая способность к созданию ценностей, несущих на себе отпечаток личности творца*»: революционность — важная, но отнюдь не отличительная и не главная особенность гениального. Например, Рафаэль или Бах вовсе не ниспровергали существовавшие стилевые формы, напротив, они скорее завершали их развитие. Другими словами, «гений» значит не

просто «податель ценностей», но *исключительно «создатель ценностей»*.

В своём обзоре источников Н.В. Гончаренко предлагает большое разнообразие определений гениальности⁴, как энциклопедических, так и концепций отдельных авторов. При этом подчёркивает, что *чем сложнее и многограннее явление, тем труднее охарактеризовать его сущность, и тем больше определений оно порождает*. Этим объясняются такие односторонние формулировки, как «гений — это колоссальная эрудиция», «интеллектуальная мощь», «непревзойдённое мастерство и компетентность», «необыкновенное чувство нового», «исключительная интуиция», «чрезмерное терпение». Очевидно, что *эрудиция, интеллект, мастерство и терпение* имеют весьма опосредованное отношение к творчеству и самостоятельности.

Отдельно стоит остановиться на самостоятельности как черте творческой личности, и гения — особенно. Авторы, в целом, согласны относительно амбивалентности творческого человека и гения. Творческая личность, по мнению Э. Торранса и Л. Холла, одновременно *конформнее и нонконформнее, автономнее и зависимее, более уверена в себе и более сомневается в своих силах, более восприимчива и самостоятельна* по сравнению с менее творческими коллегами. Всё новое у таких людей вызывает скорее интерес, а не подозрение и критику. Творческое мышление в целом состоит в умении выявить проблему и определить её, в комбинировании и синтезе идей, эмоциональной вовлечённости.

Другой американский психолог К. Тэйлор также указывает на такие черты, как *независимость и самостоятельность, склонность к риску, новаторство* (неудовлетворённость существующим — методами, традициями), *стремление изменить окружающее, готовность принимать решение*.

В несколько ином аспекте некоторые черты творческого мышления сформулированы Б. Олмо (США): *способность находить и формулировать проблемы; способность генерировать большое количество разнообразных идей; оригинальность, способность реагировать на ситуацию нетривиально; умение усовершенствовать объект*. Дж. В. Гилмор особенно подчёркивает среди личностных характеристик продуктивной личности (как художника, так и учёного) высокий уровень собственного достоинства (self-esteem), или самооценки. Это не удовлетворённость своим состоянием, а оценка потенциальных возможностей своей личности, уважение себя таким, какой есть. При этом указывается, что всё больше исследований свидетельствует о том, что *высокий уровень собственного достоинства* — фундаментальная характеристика творческой личности.

«Поющие дети». 1979 г.
Скульптор
М.В. Переяславец

4

Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. М., 1991. С. 22–29.

Это необходимая предпосылка формирования личной определённости — способности оставаться неизменным, свободным и независимым, воспринимать себя как отдельную и отличную от других личность. В частности, одарённые дети демонстрируют более развитый уровень Я-концепции; далее это выражается в высоком развитии «сексуальной определённости», в принятии социальной роли, предписываемой полом. У мужчин это проявляется в увлечении спортом и высокой активности. Социализация завершается формированием *высокоорганизованной интериоризованной системы ценностей, определяющей поведение*. Как предполагается, выработка такой системы (морального кодекса) необходима для формирования продуктивной личности.

На такие «традиционные» качества творческой личности как *гибкость* и *стабильность* указывает Ф.Ф. Фрах (F.F. Frach). Креативный человек скорее стабилен, как внутреннее, так и в отношениях с миром. Он мало соответствует мифу о нестабильности, уверенном невротизме. Он очень самодостаточен. Это никаким образом не есть отсутствие привязанностей, это скорее невысокая в них потребность. Социальные нормы и мнения других скорее отражаются в мышлении, чем в поведении. Отмечается высокая терпимость к двусмысленности, неопределённости в работе и личной жизни, любопытство и широкий кругозор, интерес ко многим сферам жизни.

Естественно предположить, что все эти черты наиболее полно проявляются в творчестве гения. Однако стало банальностью при определении таких сложных феноменов, как «творческая личность» или «гений» оговариваться, что к каждой из перечисленных черт сущность явления не сводится и количественного выражения не имеет. Иными словами, гений не тот, кто в четыре с половиной раза лучше ставит проблему или при решении поставленной задачи в три раза больше генерирует новых идей, чем

средний человек. Это *способность ставить проблему* (часто новую), решать её (часто оригинально). Это скорее даже *способность находить новые способы самой постановки проблемы и новых стилей мышления*. Скорее в этом случае на первый план выходит не цель решить конкретную проблему, а утвердить своё видение мира.

Образно говоря, творческий человек вполне может увидеть, что надо заменить винтик, и найдёт ему достойную альтернативу. Гений же часто меняет весь механизм, принцип его работы, или создаёт новое направление в искусстве. Конечно, всегда остаётся субъективный вопрос о качестве этой «качественной» революции; должно создаваться не оригинальное, а нечто более совершенное.

Наконец, Д.И. Дубровский полагает, что есть **гений добра** и нравственной силы, и есть что-то, напоминающее **гения зла** с его демонической силой. И на вопрос о том, совместны ли гениальность и злодейство, он отвечает положительно. Одарённый творческий человек может быть аморальным, а творчество — бесчеловечным, может вести к абсурду, к злодеянию. Н.И. Губанов и Н.Н. Никольская, анализируя работы ряда авторов, пришли к выводу, что *признаётся возможность злых гениев, когда выдающаяся одарённость в познавательно-эстетическом (научном, художественном) отношении сочетается с малой одарённостью в нравственном отношении*. Как есть нравственная одарённость, так есть и нравственные уроды. Существует особый вид одарённости — «нравственная одарённость». Есть возрастная одарённость такого типа, — Н.С. Лейтес относит развитие этой одарённости к поре перехода к ранней юности. Содержательно это также искатели, но это «искатели высших ценностей». Этот тип исследователя может найти себя в философии, особенно в этике.

Науку, в противоположность искусству, часто ошибочно называют «сухой», воображая, что построение какой-то научной системы совершается совместным однообразным трудом «рабочих пчёл» (по мнению Э. Кречмера). На самом же деле и основной прогресс науки совершается по формуле Шиллера: немногими «архитекторами» или, во всяком случае, ограниченным числом ведущих оригинальных умов. Собственно, исследовательская работа не более суха, чем труд великого поэта.

Было бы большой ошибкой считать, что успешность работы исследователя — это лишь вопрос интеллекта: на самом деле *в эту работу глубоко вовлекается вся личность*. Часто создаётся впечатление — по крайней мере, при взгляде со стороны, что значительные исследовательские достижения — следствие спокойной, уравновешенной деловитости. Однако известно, что гениальное научное исследование часто совершается по психиатрической формуле сверхценной (фиксированной) идеи. Сохранившего способность мыслить человека, но *захваченного какой-то сверхценной идеей*, называют, когда хотят указать на аномалию, параноиком.

За фиксацией в психике человека сверхценной идеи часто следует бред отношения, т.е. усиленная комбинаторная мыслительная деятельность по привлечению и истолкованию всяческих, даже мельчайших и ничего на самом деле не значащих будничных событий для обоснования этой идеи, в результате чего вокруг доминирующих в сознании человека мыслей выстраивается целая система поддерживающих идей. В то же время всё, что не может быть для этого использовано, в сознание не допускается и с абсолютной, страстной слепотой не замечается. Рассеянность учёных вошла в поговорку, но это не рассеянность, а сверхконцентрация внимания, делающая человека слепым и глухим ко всему окружающему. Такая способность собирать всю энергию в фокус — общая отличительная способность многих исследователей, она не может быть выработана прилежанием. Поэтому гений исследователя и изобретателя — это прилежание на службе у какой-то сверхценной идеи, а не наоборот, «прилежная разработка» ценной идеи. Идея первична.

Системное исследование личностных характеристик учёных-исследователей показало, что Э. Кречмер был отчасти прав в своих догадках. Р.Б. Кэттелл и Дж.Е. Древал по методике 16-PF (16-факторный личностный опросник) выявили ряд специфических особенностей учёных-исследователей, учёных-преподавателей и учёных-администраторов в биологии, физике и психологии. Все учёные достигли в своих областях высоких результатов, успешно выполняли соответствующие функции.

В целом все научные работники отличаются высоким уровнем интеллекта, более сильно выраженным «Я», предрасположенностью к доминированию, уравновешенности, отсутствием группового «сверх-Я», склонностью к эмоциональной чувствительности, отсутствием немотивированного беспокойства, более высокой способностью к волевому контролю. Учёный вполне спокоен и себя хорошо осознаёт.

При этом он должен так же хорошо осознавать свой творческий потенциал, как и обладать им. Успешность научной деятельности не меньше зависит от представлений о своих способностях, чем от самих способностей. Заниженная самооценка может привести к тому, что идеи будут разрабатываться другими. Поэтому учёному важно научиться подавлять в себе критическое начало, по крайней мере до тех пор, пока идея не созреет настолько, что её можно будет выразить хотя бы в общих чертах.

Большинство психологов, занимающихся исследованием людей творческого труда, считают антиконформизм одной из ведущих черт учёного. Некоторые даже придают этому качеству большее значение, чем эрудиции или интеллекту. С возрастом у творческой личности проявляются такие черты, как авторитарность, конформизм, неспособность овладеть новыми знаниями и новыми формами деятельности. Тем не

менее можно констатировать, что среди наиболее выдающихся людей наличие этих качеств не становится правилом. Среди второстепенных учёных и деятелей искусства это явление встречается несколько чаще. Консерватизм в пожилом возрасте сопровождается снижением творческой продуктивности.

Между научным и художественным творчеством есть различия. Ряд исследований показал, что если в искусстве личность выражает свои внутренние состояния, то эта связь между личностью и продуктом творческой работы выражена в научной деятельности значительно меньше. Если говорить о чертах характера, то для учёного наиболее характерны: любознательность, независимость, склонность к анализу, высокий интеллект, относительно высокий «энергетический уровень», хорошая память, желание проникнуть во внутреннюю структуру вещей. Учёные не так социабельны, но не асоциальны, не безразличны к обществу, увлечены своей профессией. Для тех, кто занят художественным творчеством, наоборот, характерны общительность, способность к интуитивному пониманию ситуации и спонтанность поведения. Среди некогнитивных факторов научной продуктивности — отсутствие фатализма и пассивности. Или, иными словами, внутренний локус-контроль.

Учёные-исследователи отличаются от всех остальных научных работников: они более способны к влиянию на других, хотя это скорее ожидалось от преподавателей или администраторов. Также достаточно заметны различия в уровне шизотимии и самодостаточности, эмоциональной нестабильности и «богемной беззаботности» (у исследователей этот уровень выше).

Различия особенно выражены у психологов. Для исследователей-психологов характерны отмеченные Э. Кречмером параноидальные наклонности, что объясняется и тем, что наука (психология) относительно молода и хаотична,

а также тем, что люди с рациональным складом тяготеют к более структурированным наукам. Аналогичные выводы были сделаны и на основании биографических материалов ста выдающихся учёных разных стран: они наделены более высоким уровнем интеллекта, шизофренией, самодостаточностью, склонностью к параноидальному мышлению. Однако интерпретация таких факторов, как «богемная беззаботность» и радикализм затруднена. Их предлагается рассматривать не столько как условие, сколько как следствие исследовательской работы, приспособление к условиям быта.

С другой стороны, Г.У. Тейлор отмечает, что по мере того, как учёный продвигается по административно-научной лестнице (если по ней пошёл), значительно меняются многие личностные характеристики. Что касается когнитивных способностей: большинство думают только о сегодняшнем дне и не способны воспринять новые идеи. Лишь один из двадцати руководителей способен выслушать и попытаться понять новую идею. При этом ригидный интеллект часто связывается с авторитарной структурой личности.

Д.Х. Остин склоняется к тому, что наиболее важные черты учёного — любознательность, воображение, энтузиазм, тонкая наблюдательность и упорство. Творческая личность соединяет в себе прямо противоположные черты: серьёзность и шутливость, консерватизм и новаторство, готовность к риску и осторожность, фантазию и реалистичность. Борьба противоположностей нередко приводит к внутренней напряжённости, выходом из которой служит творческая активность. Б.Т. Эйдыусон, пытаясь проверить обоснованность наиболее широко распространённых гипотез относительно психологии учёного, подтвердил ряд общих особенностей, отмеченных другими учёными. Но некоторые различия оказались глубже, чем принято было считать. Тем не менее однозначно подтверждается: «параноид-

альное» мышление — индивидуализированное, с концентрацией внимания на незначительных (для обычного человека) аспектах проблемы, умение по-новому увидеть старое и привычное, разглядев в нём что-то существенное и скрытое от других. При этом также отмечается высокая чувствительность к себе самому и своим внутренним побуждениям, сенсорным и чувственным стимулам; снова повторяется вывод о способности к эмоциональной изоляции, с одной стороны, эмоциональный вклад в интеллектуальную деятельность, «инвестирование» себя целиком в науку. Так, семейные проблемы приводят к значительно меньшим внутренним конфликтам, чем трудности, связанные с научной деятельностью. Эта тенденция усиливается с возрастом.

Помимо весьма формального деления всех учёных на учёных-исследователей, преподавателей и администраторов есть попытки классификации и типологии учёных на иных основаниях.

Несколько типологий построены практически одинаково и делят исследователей на две основные группы на основании особенностей восприятия, преобладания в мышлении интуитивного или логического начала. Описываются такие типы, как «классики» — пунктуальные, консервативные, замкнутые, тщательные в проверке данных, и «романтики» — эмоциональные, склонные к смелым гипотезам, но не заботящиеся об их проверке. Близки к ним «адапторы» и «новаторы». Первые, как «классики», проверяют и доводят чужие идеи, склонны к систематизациям, классификациям. «Новаторы», как и «романтики», генерируют новые идеи, разрушают догмы и стереотипы. Близкая типология определяет их как «исследователей» и «ассимиляторов». В то время как первые склонны к поиску нового и оригинальным решениям, вторые стремятся к стандартным решениям и максимальной экономии умственных усилий.

В более детализированных типологиях выделяется иногда восемь типов («эрудит», «пионер», «методолог», «фанатик» и т.п.). Г. Селье, прославившийся учением о стрессе, в шутку «выявил» 72 личностных типа, среди которых такие, как «мыслитель», «исполнитель», «книжный червь», «большой босс». Однако описанные систематизации явно строятся по разным основаниям, что мешает их соотнести друг с другом.

Вообще деление, или распределение на группы, воплощается в двух формах — классификации и типологизации. Первая форма — классификация — предполагает оперирование жёсткими понятиями, соблюдение определённых требований. Это, по мнению А.А. Ивина, одно основание: соразмерность (исчерпываемость), взаимоисключаемость членов деления, непрерывность и т.п. Обобщённо, классификация — это многоступенчатое (иногда дихотомическое), разветвлённое деление. Однако А.А. Ивин говорит и о том, что наиболее сложным объектом для классификации является человек, и о том, что не следует быть

Попер К.Р. Предложение и опровержения: Рост научного знания; Пер. с англ. М., 2004. С 63.

излишне придирчивым к классификации того, что по природе не поддается этому делению.

По мнению М. Оссовской, типология как форма деления не обязана удовлетворять требованиям, предъявляемым к классификации. Она может быть неисчерпывающей и может содержать пересекающиеся деления. Выделяя какой-либо тип, объекты исследования упорядочиваются по степени их приближения к этому типу. Таким образом, использование типов также позволяет упорядочивать действительность, хотя и иначе, чем при классификации. При описании учёных мы в большинстве случаев имеем дело с типологиями, к которым, по определению, можно относиться снисходительнее, чем к классификациям.

Типология, основанная на учёте так называемой «научной роли», описывает «генератора идей», «критика», «эрудита». Каждая из ролей предполагает соответствующие социально-психологические характеристики. Если для «генератора» это гибкость ума, дивергентность мышления, то для «эрудита» это прекрасная память, обширные знания. «Критик» стремится к упорядоченности, ясности, внимателен к мелочам. А.В. Юревич приводит описания эмпирических исследований, в которых подтверждаются не только эти роли, но выделяются и дополнительные, такие как «мастер», «коммуникатор», «организатор» и «исполнитель». Как стили поведения (не функциональные роли) описываются такие персонажи, как «мыслитель», «демагог», «диагностик», «методолог», «аферист», суть которых ясна из названия.

Творческая личность, в отличие от личности мудреца, традиционно отличается открытостью, амбициями, автономностью. Мудрец, место которого в науке ограничено философией (отчасти психологией), в прикладной науке — психотерапией и воспитанием, должен быть открытым, терпимым и доброжелательным.

В заключение стоит привести мнение М. Дж. Махони относительно состояния психологии науки. Он отмечает, что исследования творческих способностей учёных весьма малочисленны, почти исключительно состоят из умозрительных статей и исследований, основанных на интервью, и мы гораздо больше знаем об алкоголиках и преступниках, чем об учёных. И, к сожалению, судя по публикациям, скорее всего он прав.

Исследований инженерной деятельности очень мало, и нет чётких границ, определяющих специфику инженерной деятельности. Тем не менее в инженерной деятельности, поддающейся оценке по критерию креативности, отличительные черты творческой личности также выявляются. Нового, по сравнению с учёными, нет: это снова терпимость к двусмысленности, неопределённости, приблизительности. Творческие инженеры поэтому, вероятно, более стремятся к сложному, несовершенному, незаконченному заданию. Интеллектуальный фактор обязателен.

Теория познания, или эпистемология — условие для поддержания творчества, особенно творчества в научном поиске. Многие современные учёные ищут продуктивные пути в исследовательской деятельности.

Анализируя предположения и опровержения в науке, Карл Р. Поппер обсуждает вопрос о том, «когда теорию можно считать научной?», или по-иному: «существует ли критерий научного характера или научного статуса теории?»⁵. Обсуждая закономерности научного поиска, К.Р. Поппер обращается к методам, гипотезам, к знаниям *a priori*, к проблеме логики науки. Он предъявляет три точки зрения на человеческое познание: 1 — объяснение посредством сущностей; 2 — теории как инструменты; 3 — предположения, истина и реальность. Исследователь может выбирать для себя приемлемые только для него пути **своего** научного поиска. **НО**